

Светлана Алешина

Ставка на темного зверя

*Часть сборника
Ставка на темного зверя
(сборник)*

TV журналистка

Светлана Алешина

Ставка на темного зверя

«Научная книга»

2004

Алешина С.

Ставка на темного зверя / С. Алешина — «Научная книга»,
2004 — (TV журналистка)

«...Раздался мелодичный звонок моего мобильного телефона. Я поглядела на определитель – звонили из Гурьева. Наверное, Иван Николаевич хочет поблагодарить меня за смелость.– Ирина, – раздался в трубке искаженный голос Димы Федосеева, – берите Оксану и немедленно приезжайте!– В чем дело, Дима? – удивилась я.– Иван Николаевич погиб!– Почему, что случилось? – оторопела я, но Дима не отвечал, он повесил трубку. Я несколько раз перезвонила, но там было занято. Что я скажу Оксане? Посмотрев на мое искажившееся лицо, женщина встревоженно спросила:– Что-нибудь случилось?– Нет-нет, ничего! – Я вышла из комнаты и снова начала названивать в Гурьево. Не может быть, это какая-то ошибка! Или злая шутка...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Алешина

Ставка на темного зверя

Глава 1

Как давно я была лишена покоя! Бескрайние просторы раскинулись передо мной, буйные краски лета ласкали взор. Была та самая пора на границе сезонов, когда пышная зелень вот-вот может пожелтеть, но тем не менее это самый расцвет природы.

За окном моего купе леса сменялись полями, равнины – холмами, могучие деревья тянули свои заскорузлые ветви к солнцу. Как мне не хватало величавого спокойствия природы последнее время! Как мы все погрязли в городской суете и торопливости! Поезд мчал меня среди окружающего великолепия, и мне хотелось петь от восторга!

А началась эта командировка с того, что мне пришла в голову идея выбрать в героини своей передачи «Женское счастье» абсолютно нетипичную женщину. Ведь я – автор и ведущая этой программы, идущей по тарасовскому телевидению, поэтому мне, как никому другому, видны достоинства и недостатки проекта. Как-то все однообразно получается: удачливая бизнес-леди, женщина-политик, писательница. Смысл их успеха в том, что они наплевали на всех и полезли вверх. Это, конечно, хорошо, но ведь может быть и другое счастье – спокойное, уверенное и без оглядки.

Только где такое найти? Ясно, что не в нашем безумном городе, который все больше ускоряет ритм, заставляя обитателей суетиться, чтобы выжить. Надо ехать в село и искать покой там! Я обратилась за помощью к оператору Павлику, благо он всегда под рукой – сидит в моем кабинете. Он утверждает, что здесь стоит самое мягкое кресло во всем телецентре. Павлик – большой лентяй, на работу его можно выгнать только пинками. Правда, если его заинтересовать, то он сразу собирается и может проявить чудеса ловкости и сообразительности. В ответ на мой вопрос, где можно найти счастливую и спокойную женщину на селе, Павлик задумчиво почесал затылок:

– Какое там счастье на селе! Работа с утра до вечера в грязи...

– Но не все же недовольны своим положением! – возразила я. – Есть же успешные, добровольно и много работающие люди!

– Тогда это не у нас надо искать, – ухмыльнулся Павлик. – Это ты каких-то английских фермеров описываешь.

– Подумай, неужели ты ни разу не слышал о сельчанах, живущих в достатке? – напирала я.

– Есть у меня один знакомый, – задумался оператор, – только я его уже лет пять не видел. Он раньше был заведующим лесхозом – богатое предприятие...

– Звони ему сейчас же, – потребовала я, – вдруг он не оставил должности. Заодно проведешь приятеля.

– Да какой он мне приятель! – начал откешиваться Павлик. – Так, общались пару раз.

– Давай-давай, не губи мою новаторскую идею!

Уф, все-таки я расшевелила этого медведя! Он стал копаться в своей потрепанной телефонной книжке и вскоре выудил на свет божий то, что было нужно.

Павлик созвонился со своим знакомым – трубку взяла его жена, и договорился о встрече. Он долго объяснял женщине, зачем она нам понадобилась. Вот счастливое создание – она не смотрит всяческие ток-шоу и другие «дамские» передачи! Я же говорила – на селе живут

совсем другие люди! Им незачем убивать время, уставившись в телевизор, ведь забот хватает и без этого.

– Твоя идея, конечно, хороша! – восхитилась Галина Сергеевна, наш главный режиссер. – Только мне кажется, что шеф ее не одобрит.

– Почему? – обиделась я. – Евгений Васильевич всегда поддерживал мои инициативы.

– Пойми одно: у нас ГТРК Тарасова, а не ОРТ! У нас нет таких средств, чтобы гоняться по деревням, разыскивая телеперсонажей!

Однако Кошелев мой проект одобрил. Он сказал, что на фоне грядущих выборов передача про благополучных жителей села получит высшую оценку губернатора. А это, как известно, равноценно нехилому финансированию телевидения.

Мне было до лампочки, как расценит идею высшее руководство области, главное, чтобы не вставляли палки в колеса. Жалко, что у нас не ОРТ – они могут послать корреспондента хоть на Луну, вести репортаж со дна кратера потухшего вулкана. А мы вынуждены считаться с тем, что большинство проектов на нашем ТВ не может конкурировать с центральными каналами, хотя бы из-за устаревшего оборудования.

А что, вы видели когда-нибудь тарасовские новости? Лица дикторов выглядят на экране замечательно желтыми и рябыми – как будто они переболели болезнью Боткина и оспой одновременно! Это происходит потому, что записывающая и передающая аппаратура сравнялась по возрасту с почтеннейшим директором ГТРК Марком Сергеевичем Ландовским!

Поезд замедлил ход, приближаясь к нужной мне станции – селу Гурьево Курковского района. Это северо-западный край нашей области, которая, как известно, сравнима по размерам со многими европейскими государствами. Вместо выжженных степей, окружающих Тарасов, здесь простирались бескрайние леса: на горизонте синел сосновый бор, состоящий сплошь из вековых, величественных деревьев, а чуть ближе радовали глаз молодые березки, обрамленные нежно-зеленой клейкой листвой. Это вам не городские посадки, закованные в душную броню асфальта! Здесь чувствуется могучее дыхание неодолимой матушки-природы, на фоне которой вся наша жизнь кажется муравьиной возней!

Иван Николаевич Крынин, знакомый Павлика – наш оператор снимал про него репортаж на заре девяностых годов, – до сих пор возглавлял Гурьевский лесхоз. Его жена Оксана согласилась участвовать в нашей передаче с тем условием, что мы должны будем осветить проблемы лесного хозяйства. По ее мнению, это может сильно помочь предприятию, руководимому ее мужем. Ах, эти наивные сельчане – думают, что телевидение решит все их проблемы!

На станции меня встретил заместитель Крынина – Дмитрий Федосеев, приятный молодой мужчина, на вид лет тридцати от роду. Он, улыбаясь, объяснил, что ни директор, ни его жена встретить меня не смогли – сильно загружены работой. Мы сели в его «уазик» и понеслись по проселочной дороге.

– А что, ваш лесхоз приносит деньги? – спросила я, перекрикивая рев мотора.

– А как же! – улыбнулся Федосеев. – Со всех деревень люди к нам рвутся, мечтают в лесхозе работать!

– У вас хорошо платят?

– Не то слово! – пояснил словоохотливый зам. – Сравните сами: среди сельхозпроизводителей зарплата среднего техперсонала не превышает полутора тысяч рублей. Приходится изобретать, воровать, чтобы выжить. У нас зарплата простого рабочего составляет более трех тысяч! Конечно, для города это немного, но в селе – большие деньги!

Я задумалась. Интересно выходит: одни пахут землю до кровавых мозолей и имеют от этого только боль в спине, а другие просто пилят деревья и зарабатывают денежки! Когда я высказала эту мысль Федосееву, он не на шутку обиделся.

– Скажете тоже – просто пилим! Это раньше так было – мы продавали лес бревнами. Теперь мы продаем доски, так намного выгодней. У нас в клиентах почти все мебельные фабрики области – древесина чрезвычайно высокого качества.

– Какая разница, досками вы продаете или бревнами? – подначила я зама. – Смысл-то один – деревья вырубаются!

– Вы ничего не смыслите в разработке леса! – рассмеялся Дмитрий. – Во-первых, благодаря увеличению рентабельности производства снизились объемы выработок, во-вторых, мы занимаемся систематическим восстановлением угодий!

– Втыкаете бревна обратно в землю? – не выдержала я.

– У нас есть так называемый «огород», – невозмутимо продолжил Федосеев, – впрочем, вы скоро все сами увидите.

Мы ехали по дороге, покрытой мягким песком, – «уазик» плавно покачивался на ее неровностях. По обе стороны высились стройные желтые стволы – гигантские корабельные сосны. Представляю, как восхитился бы матерый мореплаватель Магеллан, увидев эти «мачты». И все это великолепие переводится буквально на опилки! Не убеждайте меня, Дима, что это хорошо, – все равно не убедите! Внезапно стена стволов кончилась, началась зона вырубki. Замелькали бесконечные пеньки – контраст был ужасен. Я вопросительно взглянула на своего спутника.

– Подождите, – пояснил он, – этот сектор мы недавно разработали, сейчас он кончится и начнется «огород»!

Действительно, пеньки скоро закончились, и потянулись посадки. Крошечные молодые сосенки едва проглядывали в густой траве.

– Мы распахиваем свободные земли и сажаем деревья! – с гордостью сказал Федосеев. – Ведь если бы мы этого не делали, то скоро нам нечего бы было делать в этом районе!

– А совпадают ли темпы вырубki с ростом молодых деревьев? – не успокаивалась я. – Ведь для того, чтобы выросла такая сосна, требуется, наверное, не один десяток лет!

– Ну, знаете, – возмутился Дмитрий, – на вас не угодишь! Знали бы вы, как осваивают сибирскую тайгу! Там доходит до того, что конкуренты выжигают лес друг у друга!

Мы немного помолчали. Странно, он даже ни разу не спросил у меня о телевидении. Словно угадывая мои мысли, Федосеев сказал:

– А почему вы решили снять передачу именно про Оксану? Вы что-нибудь про нее знаете?

– Ничего, просто один знакомый рассказал мне про Ивана Николаевича и его жену. Кстати, как вы считаете, они счастливо живут?

– А чего бы им не жить! – воскликнул Федосеев. – Дом – полная чаша, богатство, интересная работа, двое детей!

– А что, они действительно богаты?

– Скажете тоже! Вы видели их хоромы? Кремль, да и только! – ответил Федосеев.

Мы въехали на территорию лесхоза. Слышался визжащий звук пил, пахло опилками – они лежали повсюду огромными кучами. Мощные бульдозеры то и дело подвозили бревна.

– Скажите, Дима, а что вы делаете с опилками? Неужели выбрасываете?

– Нет, конечно! Из опилок можно сделать массу полезных вещей: прессованный кирпич-утеплитель, удобрение для полей! Правда, – сказал он уже менее бодро, – основная часть опилок пропадает – гниет. Предложение превышает спрос...

Сам поселок Гурьево располагался за лесхозом. Дима сказал мне, что почти все жители деревни работают на их предприятии. Конечно, у всех есть огороды и скот, поэтому романтика деревенской жизни не теряется.

Гурьево очень живописно встраивалось в окружающие его лесистые холмы. То тут, то там были разбросаны аккуратные светлые домики, сложенные в основном из смолистых бревен.

вен. Мне ужасно захотелось остаться тут навсегда – более гармоничного и уютного места я не встречала.

Оксана встретила нас во дворе своего дома. Видно было, что она страшно занята. Извинившись, она проводила нас внутрь дома, попросив подождать. Изба действительно поражала своей красотой, повсюду были деревянные своды, как в сказочном тереме. Полированная свежая сосна рождала ощущение необыкновенного уюта и покоя.

– Вот видите, – зашептал мой спутник, – что я вам говорил?

Когда хозяйка вернулась, она объяснила, что доила двух своих коров. Откладывать это дело нельзя, поэтому нам пришлось подождать. Я незаметно разглядывала хозяйку. Ей было около сорока лет, но выглядела она на удивление хорошо. На ее лице абсолютно не было косметики, но я не заметила никаких морщин, кожа была гладкой и упругой. Это понятно – жизнь на свежем воздухе, здоровая пища и чистая вода не располагают к старению. Единственное, что портило женщину, это руки. Они были загрубелыми и потрескавшимися, ногти коротко подстриженные и слоющиеся. А вы попробуйте копать в земле с маникюром! Уверена, что ваши ухоженные пальчики через год превратятся в узловатые корни!

– Скажите, – спросила Оксана, – а почему вы решили снимать передачу именно про меня? Неужели вам не хватает персонажей в городе?

– Понимаете, Оксана, – пояснила я, – большая часть населения нашей губернии живет в сельской местности, поэтому было бы несправедливо снимать сюжеты только про городских жителей.

– Ну, не знаю, – вздохнула женщина, – я как-то сомневаюсь, что вам будет интересно узнать про мою жизнь. Ничего особенного я в ней не вижу – училась на биофаке, потом познакомилась с Ваней и приехала сюда. Так и живу здесь все время...

– Не сомневайтесь, – подбодрила я ее, – у вас интересная, динамичная жизнь, ведь так? Я считаю, что в эфире можно будет поговорить о ваших гармоничных отношениях с мужем, о воспитании детей. Как вы считаете, вас можно назвать счастливым человеком?

– Можно, – сказала Оксана не задумываясь, – у меня есть все для счастья. Здесь спокойно, поначалу, конечно, тосковала по Тарасову, а потом привыкла.

– Так вы городская? – удивилась я.

– Да, причем жила с детства в центре города, на проспекте Кирова. Представляете, какой контраст. Там даже ночью шумно, а здесь и днем мертвая тишина. Даже визг пил сюда не долетает.

– А вы говорите, нечего снимать! Да ведь после такой передачи полгорода в деревню уедет!

– Бросьте вы, – рассмеялась Оксана, – тут вовсе не рай земной. С непривычки можно горб надорвать. Некоторые думают, – сказала женщина с неожиданной злостью, – что достаток нам просто так дается! А то, что мой муж и я носимся целый день как драные веники, никто не замечает! Правда, Дима?

Заместитель кивнул, а я вспомнила, как он совсем недавно говорил о богатстве директорской семьи с откровенной завистью.

– Ой, – воскликнула директорская жена, – чего это я вас разговорами кормлю? Вы небось с дороги проголодались?

И Оксана начала суетиться, собирая на стол. Что может быть лучше деревенских щей? Капуста буквально свисала из ложки, через раз попадались вкуснейшие кусочки мяса. Все это великолепие, сдобренное густой сметаной, буквально таяло во рту. На сладкое было черничное варенье, которое я запивала сливками, – лучше всякого мороженого.

Когда я насытилась (а лучше сказать – обьялась), Оксана предложила мне прилечь отдохнуть. Я послушалась, тем более что ходить я была просто не в состоянии. Прикорнувшись на широкой мягкой кровати, я почти мгновенно уснула.

Когда я проснулась, за окном уже начинались сумерки. Я была заботливо укрыта одеялом. Оксана позаботилась и об этом. Слышно было, как во дворе тихо квохчут куры, цикады уже начинали свою вечернюю песню. Как чудесно проснуться в звонкой тишине, приправленной такими уютными и родными звуками! Дома, в Тарасове, я просыпалась под аккомпанемент несущихся по нашей улице машин. Здесь же моя релаксация была полнейшей, даже Будда не смог бы достичь такой степени нирваны, какую испытывала сейчас я.

Хлопнула входная дверь, и на пороге моей комнаты появилась Оксана. В ее руках была какая-то шерстяная тряпка.

– Вы уже проснулись? – спросила она меня. – Вот и чудненько. Сейчас мы с вами пойдем в баньку! – Она протянула мне банную шапочку. – Давно небось не парились как следует?

– Наверное, давно, – задумалась я, – года два назад последний раз.

– Ну, а в такой бане, как у нас, и вовсе никогда!

Действительно, такой парной, как у Крыниных, я еще не видела. Это было просторное помещение, обшитое изнутри красивыми светлыми досками. Дверь, наличники на окне, скамейка – все было украшено красивой резьбой, что создавало ощущение старой доброй русской сказки. Ковши и бадья с водой также были деревянными.

Чертовски хорошее изобретение – банная шапочка! Без нее мои мозги давно бы закипели – Оксана «добро» поддала парку, плеснув на печку из ковшика. По коже градом катился пот – мы уже третий раз, в промежутках отдыхая в предбаннике, «мучили» себя в парной. Оксана хитро посмотрела на меня.

– Ну что, Ирочка, вы готовы к испытанию? – Она вытащила из-под лавки заранее замоченные березовые веники. – Сейчас я вас от всех хворей вылечу!

И Оксана начала охаживать меня веником по спине – сначала тихо, потом сильнее. Я повизгивала от удовольствия, на самом деле казалось, что от такого массажа из тела просто убегают все болезни!

Мы сидели за большим круглым столом в гостиной. Ощущение было – как будто меня только что принесли из роддома. Я накинула легкий халат, который дала мне Оксана, кожа восхитительно дышала. Мне казалось, что я знаю хозяйку дома очень давно – словно приехала к старой подруге.

– Понимаете, Ира, – объясняла она, – вот вы живете в городе. Думаете, что вам там весело и интересно. Городские считают, что в деревне скукотища – мол, что там делать, только водку пить да коровам хвосты крутить! А на самом деле здесь – великий труд, но и великая награда за это – такие вот вечера. Ведь невозможно хорошо отдохнуть, перед этим хорошо не поработав!

Какие, оказывается, философы скрыты в простых на вид людях!

– Так вот, – продолжала Оксана как ни в чем не бывало, – там, в Тарасове, ритм жизни бешеный. Все торопятся, торопят других, машины носятся, того и гляди, кого-нибудь задавят, – женщина словно прочитала мои недавние мысли. – А здесь я сама задаю себе темп – работаю как хочу и отдыхаю как хочу!

Во дворе послышался звук подъезжающей машины. Оксана вскочила и побежала к двери. Вскоре она зашла в дом, за ней шел невысокий плотный мужчина с суровым обветренным лицом. Впрочем, суровость его была кажущейся, глаза лучились искорками доброй иронии.

– Знакомьтесь, Ирина, это мой муж, Иван Николаевич, – представила нас Оксана, – только сейчас с работы пришел, представляете!

– А вы, как я понимаю, – улыбнулся мужчина, – и есть та самая телезвезда Ирина Лебедева?

– Да, – подтвердила я, – правда, я не телезвезда.

– Ну-ну, не скромничайте, я поспрашивал среди своих – вашу передачу любят и смотрят очень многие. Оксанка, – обратился Иван Николаевич к жене, – накрывай на стол, по случаю приезда знатной гостьи у нас будет застолье! Я пригласил нескольких сотрудников.

Вскоре прибыли приглашенные. Их было пять человек, Иван Николаевич представил мне гостей. Брат директора, Алексей Николаевич, заведующий распилочным производством хозяйства, начальник по вырубке Лев Семенович, главный «восстановитель» лесхоза Мария Павловна, а еще бульдозерист Петя и рабочий пиlorамы Саша. Директор явно постарался, чтобы к нему в гости пришли представители всех профессий его хозяйства. Чуть позже подошел покинувший нас ранее замдиректора Федосеев.

Всех явно смущало мое присутствие – как же, посторонний человек, да еще к тому же телеведущая. Выпив несколько рюмок, гости расслабились и даже стали задавать вопросы.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась ко мне Мария Павловна, – а современное телевидение демократично?

Вот это вопросик! Сейчас, того и гляди, начнутся дебаты – Чубайс, Ельцин, коммунисты, демократы и еще всяческая политическая чушь!

– Конечно, – начала я осторожно, – сейчас больше свободы слова, чем раньше. Но все же имеются случаи директив сверху, так сказать, подсказок, что и как надо преподносить.

– Так я и думала, – вздохнула женщина, – нигде правды нет!

– А что ты хотела, Маша, – встрял Лев Семенович, – если каждый начнет говорить, что в голову придет, такой бардак начнется!

– Ты не понял, Лева, – отрезала Мария Павловна, – я хотела попросить Ирину кое-что рассказать в своей передаче, так сказать, поверх основного сюжета.

– И что же это? – заинтересовалась я.

– Маша, – строго прервал женщину директор, – я об этом позже сам попрошу.

– Правильно, Иван Николаевич, – сказал бульдозерист Петя, – нечего за столом об умных вещах разговаривать. Давайте я вам лучше сказку расскажу!

– Кхм, опять ты со своими рассказами, – усмехнулся Саша-пиlorамщик, – давай, валяй, коли надумал.

Директор кивнул. Видно, Петя слыл тут у них известным сказочником, и мы приготовились слушать.

– Давным-давно, когда в этих местах еще не было никакого лесхоза, – начал Петя, – стоял здесь бор дремучий, не чета нынешнему. Водились в том бору звери всякие, народ жил охотой, собирательством ягод. Жили сытно и тихо – всего хватало, дичи было в избытке, земля каждый год знатный урожай давала. Поселился тогда в Гурьеве один барин, уж больно ему здешние места понравились. Да не один поселился – со слугой. Ушел на покой, так сказать. Выстроил себе тут славный терем да и стал жить в свое удовольствие – ходил на охоту, ловил рыбу. И везде его слуга сопровождал, тенью ходил за своим барином.

Ничего себе слог у простого бульдозериста! Может, его взять на телевидение, вести передачу «Спокойной ночи, малыши»?

– Однажды, – продолжал Петр, – случилось несчастье. Барин разошелся на охоте со своим слугой и попал в трясины... Он погружался в болото все глубже и глубже, и никто не мог его спасти. Барин кричал, звал на помощь, но никто не приходил. Когда он погрузился по плечи, прибежал его слуга. «Иван, – взмолился барин, – вытащи меня отсюда!» Слуга даже не пошевелился. «Разве тебе не хорошо со мной было? – спросил барин. – Я жил в свое удовольствие и тебе давал жить!» – «В том-то и дело, барин, что ты жил в свое удовольствие, а не в мое!» Сказав это, слуга развернулся и оставил барина на верную погибель.

Какая-то невеселая сказка! Такое ощущение, что Петя на что-то намекал ею – я заметила несколько многозначительных взглядов, которыми обменялись гости.

– Опять ты, Петя, тоску на всех нагнал, – директор смущенно кашлянул, – давайте-ка, гости дорогие, закончим застолье и пойдем в сад. Я сыграю вам на гитаре.

– Давайте, – поддержал его Федосеев, – чего дома париться в такой чудный вечер!

Мы всей компанией вывалились на улицу. Вечер был действительно прекрасным: дул освежающий ветерок, на разные лады стрекотали сверчки, шумели кроны могучих деревьев – неподалеку от дома была дубрава. Сад Ивана Николаевича был огромным, мы спускались куда-то вниз, а он все не кончался. Ночь в Гурьеве – это вам не то что разбавленная светом уличных фонарей ночь в Тарасове. В окружавшей нас темноте было что-то первобытное, жутковатое. «Там тишина, там леший бродит, русалка на ветвях сидит», – вспоминались строки Пушкина. Наконец мы добрались до цели – ею оказалась беседка, увитая диким виноградом, притулившаяся над самым обрывом, который спускался к реке. Заметив мой удивленный взгляд, Иван Николаевич пояснил:

– Мой сад доходит до самого Хопра, я специально сделал здесь беседку – обожаю смотреть на реку.

– Кстати, – встрял Федосеев, – а вы знаете, что Хопер – самая чистая река Европы?

– Ну ладно, – сказал Иван Николаевич, пощипывая струны гитары, – я начну, а ты, Дима, подпевай.

Они начали петь неожиданно чистыми, высокими голосами. Песня была мне незнакома – ее аккорды вызвали одновременно и радость, и легкую печаль. Когда они закончили, я спросила:

– А чья это песня? Кто ее написал?

– Это, – сказал с гордостью Федосеев, – наш директор написал, сам!

Боже мой, какие таланты на селе пропадают – один сказки рассказывает, другой сочиняет и поет песни! Хотя почему пропадают – им здесь вовсе неплохо живется.

– Дима, – попросил Иван Николаевич, – давай я сыграю, а ты спляшешь?

Мне показалось, что после сытного ужина просить человека сплясать жестоко, но Федосеев не заставил себя уговаривать. Директор стал наяривать три известных народных аккорда, да так задорно, как будто у него в руках была балалайка, а не гитара. Дима стал ловко прихлопывать и притопывать. У него так хорошо получалось, что я бы сама пустилась в пляс, если бы не набитый желудок.

Все похлопали танцору, и Иван Николаевич заиграл какую-то грустную мелодию. Песня была о том, как солдат скучает на чужбине, – мне вдруг вспомнился родной дом, мой муж Володька. Интересно, как он сейчас там? Знаете, так бывает вечером, когда приезжаешь на новое место. День полон новых впечатлений, о доме даже не вспоминаешь. А когда смеркается, наваливается такая грусть, что хоть обратно беги. Но это ощущение вскоре проходит – человек привыкает жить на новом месте буквально за неделю. Интересно, а почему я не видела детей Крынина, ведь Федосеев говорил, что у него двое ребят?

– Их сегодня Дима к бабушке отвез, в Юрьево, – ответил Крынин на мой вопрос, – тут недалеко, на машине час езды.

– Дима везде поспел – и меня встретить, и детей отвезти, – удивилась я.

– Да, – согласился директор, – он меня выручает. Кабы не он – не знаю, что бы я делал.

Дима развел руками, всем своим видом показывая – смотрите, мол, какой я хороший. Этот человек мне на самом деле понравился – такой услужливый, приятный в общении. Только уж больно мягкий – слушается Ивана Николаевича, как новобранец генерала.

Внезапно со стороны далекого соснового бора послышался жуткий протяжный вой. Все вздрогнули – по спине пошли мурашки.

– Волк, – тихо сказала Оксана.

– Да нет, что вы, Оксана, это же собака! – возразил ей Федосеев. – Волков уже давно всех перебили.

– Собака в дальнем лесу? – усомнился Крынин. – Как она туда попала?

– Да запросто – одичала и убежала в лес. Я встречал таких на охоте.

– Я не слышала, чтобы собаки так выли, – Оксана зябко поежилась, – уж больно тоскливо.

– Да уж, – рассмеялся Федосеев, – я не думаю, что ей там весело. Вы бы тоже так завывали, Оксана, окажись вы одна в темном лесу.

– Ну тебя, Дима! – уже шутливо воскликнула женщина. – Вечно ты что-нибудь приплетешь.

– Не знаю, – задумчиво сказал Петя-бульдозерист, – волк это или собака, но со мной однажды приключилась такая история...

– Опять ты со своими страстями! – прервал его Федосеев. – Напугаешь гостей на ночь глядя!

– Пусть рассказывает, – сказал Иван Николаевич, – интересно у тебя получается, Петр!

– Однажды, когда я был еще маленьким, со мной произошла такая история. – Глаза Пети загадочно блеснули, в них отражалась желтая луна, пробивавшаяся из-за туч. – Я пошел на пруд за кувшинками. Естественно, пошел тайком от матери, ночью. Мы с друзьями поспорили, что у меня рано утром уже будут лежать цветы на столе. Идти было страшно, но отказаться от затеи я не мог – было бы стыдно перед товарищами. Пруд был достаточно далеко от дома, но дорогу я хорошо знал, мы часто ходили туда купаться.

– Это неужто на Карюхин пруд ходили! – воскликнула Мария Павловна. – Так до него же семь верст, и все лесом!

– Так точно, тетя Маша, именно на Карюхин! Так вот, – продолжил он прерванный рассказ, – этот пруд напугал меня до полусмерти – днем он был таким уютным, домашним. Мы ловили в нем лягушек, ночью же, в окружении темных деревьев, он казался жутким, черным и бездонным. Стуча зубами, я все-таки заставил себя залезть в воду. Нарвал кувшинок и вышел на берег. Вдруг вижу: из-за деревьев вышла большая серая собака. Она долго смотрела на меня в упор, и глаза ее странно блеснули. Не знаю, что на меня тогда нашло, я стал ее звать: «Хороший песик, иди сюда, иди, маленький!» Собака делает ко мне шаг, делает другой. Я стою, наклонившись, и маню ее рукой. Тут она разворачивается и убегает обратно в лес. И, самое главное, я вижу, что хвост у этой собаки висит поленом, как у волка. От ужаса я побежал домой, позабыл и кувшинки, и даже свою майку. Наутро ребята надо мной смеялись – говорят: «Ты сдрейфил!» Повел я их тогда на пруд. Нашли мы и кувшинки, и майку. Один из ребят, он был постарше, говорит: «Гляньте, пацаны, волчьи следы!» Все побежали посмотреть. И тогда я им рассказал, что ночью приключилось. А через несколько дней волк задрал несколько овец из колхозного стада...

– Выходит, – сказала Оксана, – волки не трогают человека, если к ним с лаской?

– Волк никогда не нападает на человека, если он один и не голоден, – пояснил Иван Николаевич, – а если зимой и в стае, то могут и напасть. Насчет ласки не знаю – не пробовал. Ладно, ребята, – вздохнул он, – пора идти. Нам всем рано вставать.

Мы пошли по саду, оставив сзади умиротворяюще журчащую реку. Все шли задумчивые, немного грустные. Рассказ Пети хоть и звучал жутковато, но почему-то напомнил о детстве. Все эти споры: кто смелей, походы на речку ночью и вообще вся эта вольница, когда день принадлежит только тебе и больше никому, – как давно это было! Хотя мне, наверное, грех жаловаться – моя жизнь никогда не была такой уж беспросветной кабалой.

Чтобы развеселить приунывших гостей, Иван Николаевич грянул по струнам. Он начал громко распевать веселые частушки на ходу. Мы засмеялись над его довольно скабрёзными куплетами. Неожиданно он отдал гитару Федосееву и отошел куда-то в сторону. Когда он вернулся, его карманы были набиты грушами – он угостил ими всех. Чертовски сладкий фрукт, доложу я вам!

Проводив гостей, мы пошли в дом. Хозяева постелили мне в комнате, которая располагалась во флигеле, на втором этаже. Перед сном ко мне зашел хозяин:

– Ирина, вы надолго к нам?

– Завтра я уезжаю, – объяснила я, – и так задержалась. Мне нужно будет на денек забрать у вас Оксану, чтобы подготовить к передаче.

– Хорошо, – улыбнулся Иван Николаевич, – забирайте, только обязательно верните! Кстати, – посерьезнел он, – вы пойдете завтра со мной в лесхоз? Я хотел бы многое вам показать и сообщить кое-какую информацию.

– Конечно, – успокоила я хозяина, – я пойду с вами.

– Бужу вас в шесть! – Он вышел, оставив меня готовиться ко сну.

Уже засыпая, я задумалась над тем, какие интересные люди порой встречаются в таких местах, где их и не ожидаешь встретить. Когда я ехала сюда, то, если честно, ожидала здесь увидеть самых обыкновенных сельских тружеников, все интересы которых крутятся около понятных, неабстрактных вещей. А сейчас мне кажется, что я никогда не забуду этого вечера, этой гитары, странных сказок Пети под тихое журчание реки... Есть такие люди-самородки – они ничему не учились, но, несмотря на это, они могут иной раз поразить профессора философии своими мыслями. А бывает, что человек учился на журфаке или на филфаке госуниверситета, а ничего не представляет – ноль без палочки. Я знаю сотни примеров на нашем родном ГТРК.

Глава 2

– Вставайте, Ирина, уже утро, – звенел чей-то бодрый голос у меня над ухом. – Давайте, а то опоздаете!

Что такое? Кто так рано меня будит? Неужели пора на телестудию? Я разлепила глаза – передо мной стояла Оксана. Я несколько секунд смотрела на нее, ничего не понимая. Оглушительно закукарекавший петух во дворе вернул меня к реальности – я по-прежнему находилась в Гурьеве.

– Идите, Ирина, вас ждет завтрак! – Оксана добродушно указала мне на лестницу, ведущую вниз.

Как рано встают в деревне! На часах было без пятнадцати шесть! А ведь наверняка Оксана встала намного раньше – подоить корову, приготовить завтрак.

Ополоснув лицо из допотопного умывальника во дворе, я побрела к столу. Там меня ждала яичница и кувшин с парным молоком. Яйца в деревне не чета городским. Желтки яркие, а не бледно-зеленые, как мы привыкли видеть.

– Что, Ирина, – послышался голос Ивана Николаевича, – непривычно ни свет ни заря вставать? – заходя на кухню, хозяин шутливо подмигнул мне. – Ничего, недельку поживете у нас – привыкнете!

– Да я бы рада, да только у меня скоро прямой эфир!

– Здесь его и проведете! – засмеялась Оксана. – Женское счастье, не выходя из коровника! В студии Зорька и Буренка!

– Ага, – поддержала я ее, – Ряба и Хохлатка не смогли прорваться на передачу из курятника!

Перед домом стоял уже знакомый мне «уазик», за его рулем восседал Федосеев. Мы погрузились в «Антилопу-Гну» и понеслись к лесхозу. Дима вел машину залихватски, нас мотало со страшной силой. Иван Николаевич сделал ему замечание, чтобы он ехал потише. Интересно, Дима совмещает должность заместителя директора и одновременно водителя? Скорей всего, нет – все это он делает по доброй воле.

Визжащие звуки циркулярных пил заполнили пространство вокруг. Я вновь почувствовала запах опилок. Возле барачков, где стояли пилорамы, он был немного с гарью. Загрохотали гусеницы бульдозера – он тащил за собой гигантские стволы сосен. В кабине сидел Петя – он приветливо помахал нам рукой. Иван Николаевич нагнулся к моему уху:

– Сейчас я покажу вам ближайшую вырубку. Дима, – обратился он к заму, – отвези нас к первому сектору.

Мы выехали за ограду и стали петлять по лесной дороге, изрытой гусеницами бульдозеров. Вскоре я увидела широкую просеку. Здесь тоже визжали пилы, только по-другому – более глухо. Я увидела, как шевелились макушки деревьев впереди. Вскоре я воочию смогла наблюдать зрелище, которое до этого видела только в фильмах. Мужчина в рабочем комбинезоне вгрызлся бензопилой в желтое тело высокой сосны. С ее куцей верхушки сыпались хвоя и шишки. Вот, миг – исполин закачался, мужчина налег на ствол, и дерево стало падать, набирая скорость. Рухнув, сосна несколько раз пружинисто качнулась и замерла. Тут же к ней подбежали другие рабочие и стали споро отпиливать ветки. Через минуту лесная красавица превратилась в обыкновенное бревно. Меня от этого зрелища покорило – похоже на убийство, что-то вроде скотобойни.

– Вот так вот все и происходит, – грустно сказал Иван Николаевич, – и не думайте, что мне это нравится.

– А почему вы тогда этим занимаетесь?

– Как пелось в песне: «Если не я, то кто же?» В самом деле, не будем ханжами – ведь вы же сидите на деревянных стульях, за деревянным столом! Уйду я – придут другие, и не факт, что они будут лучше.

Мы проехали подальше, здесь лес состоял из вязов, узловатых и корявых деревьев. Я вопросительно посмотрела на директора.

– Вязы идут на дрова, – пояснил он, – половина деревень района не газифицирована. Дима, – попросил он зама, – отвези нас, пожалуйста, на холм.

Забравшись на высокий безлесый бугор, «уазик» замер. Нашему взору открылось зеленое море, бескрайнее и колышущееся на ветру. Разрабатываемые сектора казались отсюда лишаями, в которых копошились насекомые-люди.

– Смотрите вон туда, – директор показал на запад, – там Юрьевский лесхоз. Это настоящие варвары. Они не восстанавливают лес, просто вырубают, и все. Причем разрабатывают бешеными темпами. Говорят, сейчас у «новых русских» считается шиком строить дачи-избы из сосновых бревен.

– Это правда, – подтвердила я, – сейчас в моде такие дома.

– Не знаю, как остановить этих гадов, – сокрушался Иван Николаевич, – видите вон там огромное пустое пространство, как бы поле? Раньше там был лес.

Присмотревшись, я увидела, что зеленое море неоднородно. Где-то были нежно-зеленые островки молодых деревьев, где-то – пустоты, чернеющие землей, – недавние вырубки.

– Помните, Мария Павловна начала говорить про наши проблемы? – начал Крынин.

– Конечно, еще Оксана попросила меня по телефону о помощи.

– Хм, я об этом не знал. Я, конечно, понимаю, что формат вашей передачи не позволяет снимать посторонние сюжеты. Но мне действительно нужна помощь.

– Чем я могу вам помочь?

– Вы видите, как разрабатывают лес в Юрьево. Слово Мамай прошел. Мы занимаем территорию, не давая им расшириться, – он придвинулся ко мне поближе, – дело в том, что мне недавно угрожали.

– Кто? – удивилась я.

– Они не представились. Просто я нашел у себя в почтовом ящике письмо. Мне предлагали уйти с должности, иначе пострадают мои дети. Уверен, это происки Кашея.

– Какого Кашея?

– Это прозвище директора Юрьевского лесхоза – Казея Васильевича. Он способен на все.

– Да, – подтвердил Дима, – он давно обещал уничтожить нас. Я слышал, как он хвастался. Мол, не пройдет и года, и Гурьево станет Юрьевом.

– А почему вы не обратитесь в милицию?

– Обращался, – директор безнадежно вздохнул, – они говорят – разберемся. Но я в это не верю. Кашей их наверняка подмазал.

– Ну и вы подмажьте. У вас же богатое хозяйство.

– Есть тут местный авторитет Цыплаков. Кашей на него работает. Переплюнуть его мне не под силу, он подмял уже полрайона, все чиновники тут под его дудку пляшут. Он подмял и Кашея. Я хочу, чтобы вы показали, насколько отличается наше хозяйство от их шараги. Трогай, Дима, пусть Ира увидит это вблизи.

Я не успела возразить, и мы стали спускаться с холма.

Дорога, вившаяся в лесу, была очаровательна, пахло смолистыми соснами, гулко раздавалось «пение» кукушки.

– Не буду спрашивать, – грустно засмеялся Иван Николаевич, – сколько мне жить осталось.

Не успел он произнести эти слова, как птица замолкла. Это, конечно, суеверие, но в эту секунду я твердо решила помочь директору. Только как – неужто вставлять в слюнявое вечер-

нее ток-шоу кадры про шантаж, криминал? Я бы с удовольствием вела передачу наподобие «Совершенно секретно» или «Свидетеля», где можно было бы рассказывать о таких вот случаях и о расследованиях. Но руководство родного ГТРК никогда не позволит мне запустить такой проект. Они считают, что «Женское счастье» имеет хороший рейтинг при небольших затратах.

– Сейчас начнется, – сказал Крынин.

Лес оборвался, и пошли бесконечные пеньки. Казалось, что они никогда не кончатся. Впереди наметилось какое-то движение, слышался визг пил. Мы проехали мимо рабочих, которые споро и быстро косили сосны. Именно косили, здесь было гораздо больше народу, чем на Гурьевской вырубке. Гремели гусеницами мощные бульдозеры, оттаскивая гигантские вязанки стволов, зеленая стена леса неуклонно отступала под натиском человека. Как же безоглядно мы «разрабатываем» природу! У меня каждый раз возникает жутковатое ощущение, когда я въезжаю на поезде в город. Мимо с тяжким гулом проносятся груженные товарняки, набитые досками, налитые бензином. Они словно попадают в пасть огромного ненасытного чудовища, которое с легкостью поглощает их. Что будет, когда пища для монстра закончится?

Когда мы проезжали мимо, рабочие стали показывать на нас пальцами и что-то кричать. Видно, машина конкурента была им хорошо знакома. Я видела, как человек в оранжевой куртке стал связываться с кем-то по рации.

Впереди показалась черная «Волга». Подъехав поближе, она резко развернулась, перегородившая нам дорогу. Федосеев резко затормозил. Объехать ее было невозможно – лес плотно подступал с обеих сторон. Мы начали пятиться задом.

– Вот сволочь! – выругался Дима.

Бульдозер, который мы только что обогнали, встал наискосок, отрезая нам отступление. Это какая-то партизанщина! Дверь подъехавшей «Волги» хлопнула. Вышедший мужчина, худой и скуластый, заорал нам:

– Какого хрена ты здесь шпионишь! Вали отсюда, пока не раскатали!

– А кто мне может запретить! – смело крикнул Иван Николаевич. – Ты, что ли, Кащей?

– Это значит, я – Кащей? – возмутился мужчина. Он сделал знак водителю бульдозера, тот с ревом газанул и покатился к нам. Земля дрожала под его гусеницами, он все надвигался, надвигался. Толчок! «Уазик» жалобно скрипнул, подавшись вперед, гусеницы заскребли по нашей машине. Выпустив пар, «киборг судного дня» остановился.

– Ну что, убедился, – крикнул Кащей, – кто здесь хозяин? Еще раз приедешь – он не остановится! Будут консервы из тебя, – мужик неожиданно тонко хихикнул, – шпротный паштет в плоской банке.

– Видели, – сказал Иван Николаевич, когда нам дали проехать, – какой беспредел! Что хотят, то и делают! Настоящая война! Есть разведка – тот мужик доложил по рации о нашем визите, есть группа быстрого реагирования и группа силовой поддержки.

– Гады, – бурчал Дима, вертя баранку, – всю машину исцарапали. На них за это в суд надо подать!

– Ничего, – утешился Иван Николаевич, – когда они к нам приедут, мы на них случайно сосну уроним!

– Иван Николаевич, – попросила я, – расскажите мне о Цыплакове.

– А чего там больно рассказывать! Ворюга он отменный, – со злостью сказал директор, – поддержка у него из Тарасова: бандиты, чиновники. Знаете, у них там все распределено, – он замаялся, подыскивая слово, – они, так сказать, курируют каждый свой район. Раньше, в девяностых, вообще фермеров жгли, кто платить не хотел! Сейчас вроде успокоились, другие методы давления появились, всякие там налоги, инспекции. Никто с ним связываться не хочет – вмиг обанкротит.

– А почему вы с ним не договоритесь? Ведь он вам сильно помешать может.

– Ему платить придется, большие деньги. Для этого нужно будет лес по-черному рубить. Вон как они, – Крынин махнул в сторону Юрьева, – а я этого не хочу. Мы работаем на малых оборотах, зато нам всем хватает, и природа не так сильно страдает. А этим лишь бы сейчас хапнуть, а потом хоть трава не расти!

Мы с Оксаной ехали в поезде, уносящем нас от Гурьева.

Купе, конечно, в этом «экспрессе» не было, и мы устроились на жестких полках плацкарта. В Курковский район ходили еще и автобусы, но от запаха бензина меня мучило. По мне лучше подольше ехать, да здоровее быть.

– Понимаете, Оксана, – объясняла я женщине, – я лишь выбираю кандидатуру для передачи, утверждают ее другие. На вас должно посмотреть руководство, главный режиссер, оператор. Ну, ничего, – подбодрила я ее, – вы чертовски фотогеничны, вас в любом случае утвердят!

– А вы пошлете оператора к нам, чтобы помочь моему мужу? – Оксана просительно посмотрела на меня.

– Я поняла, что ваш муж хочет громкого резонанса. Мол, если об угрозах услышат в Тарасове, то шантажисты побоятся что-либо предпринимать?

– Я думаю, – робко сказала женщина, – если губернатор или кто-нибудь из высшего руководства увидит передачу, они возьмут все под личный контроль. Ведь это же беззаконие!

Эх, Оксана, знали бы вы, какие предприятия разваливали в Тарасове для передачи их другому собственнику за бесценок! Ваш маленький лесхоз по сравнению с ними просто карлик! Чего только стоит передел Кружкинского хлебокомбината.

Успешнейшее и богатейшее предприятие области развалили лишь потому, что его здание располагалось в центре города, удобном месте для казино!

– Замечательно, милочка! – радовалась Галина Сергеевна, наш режиссер, когда мы прибыли в Тарасов. – Очень хорошо, что вы приехали! Передача будет незабываемой, как пить дать! Оксана просто умопомрачительна!

– Да, – прервала я фонтан эмоций, – хорошо, что мне удалось уговорить Оксану приехать!

Павлик тоже заметно обрадовался нашему прибытию. Оксана узнала его сразу. Они разговорились о былых днях. Тогда наш оператор снимал бодрый репортаж о нововведениях на селе.

– Тогда вы были совсем мальчиком, – умилилась Оксана, – а сейчас стали таким взрослым!

– Я тогда камеру чуть ли не в первый раз держал, – улыбнулся Павлик, – все боялся что-нибудь неправильно сделать.

Оставив друзей ностальгировать, я ненадолго отошла. Надо найти Валерку Гурьева, чтобы расспросить о некоторых персонажах наметившейся истории. Криминальный репортер крутился около бухгалтерии. Он всем своим видом выражал возмущение.

– Не хотят, паразиты, командировочные оплачивать! – посетовал он мне.

– Слушай, Валерка, ты не знаешь случайно никого из села Гурьево? Может, твои предки оттуда? – пошутила я над совпадением его фамилии с названием села.

– Не знаю, – репортер развел руками, – вроде я там не был.

Вот те раз, Валерка где-то не был!

– Может, вспомнишь такого – Цыплаков его фамилия? Говорят, половину Курковского района держит в страхе.

– Так бы сразу и говорила! – вскричал Валерка. – Цыпу я, конечно, знаю. Он раньше в Тарасове обретался, а потом уехал. Покоя захотел. Такой колоритный тип, отсидел за все подряд, начиная с воровства и кончая мошенничеством и спекуляцией.

– А откуда ты его знаешь? – спросила я, уже предполагая, какой будет ответ.

– Да выпивал с ним на одном банкете! Чем-то его доверие вызвал, он мне про себя как начал рассказывать!

– Скажи, а он может пойти на шантаж, чтобы добиться своего?

– Смотря на какой! А в чем дело-то?

Я попыталась вкратце изложить историю с лесхозом Крынина. Во время моего повествования глаза Валерки блестели – криминал был его стихией.

– Говоришь, детям угрожают? – задумчиво сказал он. – Нет, Цыпа на это не пойдет, он детей любит, сам говорил. Хотя... Черт его знает, столько лет прошло!

– А Казей Васильевич тебе знаком?

– Откуда ты знаешь Кащея? – завопил Валерка. – Где эта гнида всплыла, говори скорей!

Оказывается, Валерка учился вместе с Казеем в школе. Имечко было редкое, второго такого просто нет. Уже в детстве Кащей был жутко мстительным ребенком, он не прощал ни малейшей обиды. Мстил так, что даже старшие боялись к нему приставать. Я вспомнила гусеницы надвигавшегося бульдозера и поежилась – хорошо, что у меня с ним нет никаких счетов.

– Удивляюсь, – разглагольствовал Валерка, – как он в лесхоз попал! Ему в концлагерь надо было идти!

Володечка открыл дверь, я бросилась ему на шею. Все-таки два дня не виделись, и каких дня! Я представила ему Оксану, которой предложила пожить у нас до съемок.

– Очень приятно, – галантно сказал мой муж, целуя ей руку, – вам у нас понравится. Конечно, – он скосил на меня смеющиеся глаза, – если Ира не доконает вас своей музыкой.

– Что вы, что вы! – воскликнула Оксана. – Я очень люблю музыку, особенно классические произведения!

Да мы просто родственные души! Когда я включила «Времена года» Вивальди, Оксана закрыла глаза. Видно было, что это произведение доставляет ей истинное наслаждение.

– Знаешь, как можно сделать, – сказал Володька, когда я рассказала ему о проблемах Крынина. – Просто во время передачи задашь Оксане наводящий вопрос, и она расскажет об угрозах.

– Да, но как это будет вписываться в концепцию моей программы? – поинтересовалась я.

– У тебя все равно прямой эфир, кто тебе сможет помешать?

Ему хорошо говорить, а мне влетит от начальства.

Представляю, как обалдеют домохозяйки, услышав посреди рассказа о прекрасной женской доле в деревне такую тревожную новость.

Оксану уже гримировали, готовя к эфиру, а я все думала, как поступить с ее делом. Когда Галина Сергеевна давала последние инструкции – по каждому вопросу быть краткой, не сморкаться во время съемок, не блуждать глазами по залу, я все же решилась. Что я теряю, не выгонят же меня, в самом деле!

– Оксана, – обратилась я к женщине, когда мы поднимались в студию на лифте, – я спрошу у вас: «Неужели нет ничего, что омрачало бы ваше счастье?» – и вы расскажете о проблемах мужа и лесхоза. Только без перегибов, не слишком долго и не слишком эмоционально. Как бы походя, мимоходом, хорошо?

Зрители уже расселись по своим местам, ждали только нас. Я чувствовала привычное волнение. Все-таки прямой эфир – это не шутки. Помню, в первое время я боялась, а вдруг забуду слова? А что, это очень легко, глядя в глазок телекамеры, осознавая, что на тебя смотрит сейчас весь Тарасов, проглотить свой язык. Но как-то обходилось, нужные вопросы сами собой возникали в голове.

Павлик сделал мне знак, уже шла заставка передачи. Три, два, один, поехали!

– Здравствуйте, дорогие телезрители! – начала я вещать вкрадчивым голосом. – Когда эта передача готовилась к выпуску, я подумала: «А неужели женское счастье возможно только на фоне благ большого города?» Наша героиня Оксана Крынина живет в маленькой деревне Гурьево Курковского района и при этом считает себя счастливым человеком. Это в очередной раз доказывает, что женщина может быть счастлива в любых условиях! Итак, мы начинаем ток-шоу «Женское счастье», с вами я, его ведущая Ирина Лебедева!

Все покатилося своим чередом. Я задавала вопросы, зрители аплодировали, потом начались вопросы из зала, звонки в студию. Оксана держалась молодцом, отвечала не задумываясь, приятно улыбалась. Во время рекламного перерыва Павлик и Галина Сергеевна показали мне знаками, что все идет как надо. Сейчас пауза закончится, и я задам тот самый вопрос!

– Скажите, Оксана, а неужели нет ничего, – спросила я с замиранием сердца, – что замутняло бы ваше такое спокойное, ровное счастье?

И Оксана начала рассказывать. Я видела, как вытянулись лица моих режиссера и оператора. Павлик стал отчаянно жестикулировать, показывая, чтобы я прервала это. Но я не обращала на него внимания. Ведь сделанного не воротишь.

Зал буквально взорвался, зрители наперебой задавали вопросы, начались звонки в студию. Публика была в основном знакомая, родственники и друзья работников телецентра или постоянные телезевы, которые вечно просились на съемки. Они были предупреждены о том, какую грань нельзя переходить в своих вопросах. Но сейчас все словно с катушек слетели. Слышались даже предложения вроде: «Мочить козлов» и «Очистить от скверны землю русскую».

– Итак, дорогие друзья, – сказала я как ни в чем не бывало, – мы могли в очередной раз убедиться, что счастье не бывает безоблачным. Надеюсь, что компетентные органы обратят внимание на эту историю. А сейчас, Оксана, расскажите, каково было городской девушке, жившей на проспекте Кирова в центре Тарасова, после переезда в небольшой поселок?

Я таким образом отвлекла внимание зрителей и повернула программу в нужное русло. Ничего, главное уже прозвучало.

– Ты с ума сошла, – прошипела мне Галина Сергеевна после эфира, – знаешь, что уже звонили из правительства и интересовались?

– Я этого и добивалась, – сказала я. На моей душе было на удивление спокойно. Такое эйфорическое безразличие охватывало меня всякий раз после передачи.

– Да нас же всех пропесочат! – воскликнула женщина возмущенно. – Похоже на сговор – накануне выборов тревожный разговор об уничтожении леса и угрозах! Надо же понимать, Ирина!

– Может быть, – отчеканила я, – благодаря этому отцы города обратят внимание на проблемы сел и деревень!

Оксана благодарно смотрела на меня. У нее был такой вид, будто губернатор уже подписал документ о расформировании Юрьевского лесхоза и аресте Цыплакова с Кашеем.

– Ну и чего ты добилась этим? – спросил меня Валерка, прибежавший к нам сразу после съемок. – Думаешь, кто-то пошевелится? Держи карман шире, забудут через пять минут!

Он был абсолютно прав. Русские люди быстро забывают плохое. Такая вот особенность национальной психики, иначе мы бы все давно сошли с ума!

Раздался мелодичный звонок моего мобильного телефона. Я поглядела на определитель – звонили из Гурьева. Наверное, Иван Николаевич хочет поблагодарить меня за смелость.

– Ирина, – раздался в трубке искаженный голос Димы Федосеева, – берите Оксану и немедленно приезжайте!

– В чем дело, Дима? – удивилась я.

– Иван Николаевич погиб!

– Почему, что случилось? – оторопела я, но Дима не отвечал, он повесил трубку. Я несколько раз перезвонила, но там было занято. Что я скажу Оксане? Посмотрев на мое искаженное лицо, женщина встревоженно спросила:

– Что-нибудь случилось?

– Нет-нет, ничего! – Я вышла из комнаты и снова начала названивать в Гурьево. Не может быть, это какая-то ошибка! Или злая шутка. Наконец я дозвонилась.

– Слушаю, – сказал незнакомый мне человек.

– Что случилось с Иваном Николаевичем? – почти закричала я. – Где Дима Федосеев?!

– Иван Николаевич погиб на охоте, – грустно ответил незнакомец, – а у Димы истерика, мы его увели.

Оксана лежала на кровати, вид у нее был безразличный ко всему. Это было немудрено после той дозы транквилизаторов, которую вколол ей врач. Там, на телестудии, Оксана пережила, наверное, самые страшные минуты своей жизни. Она все повторяла: «Я не верю, не верю!» Потом с ней приключилась истерика, она неудержимо рыдала, судороги буквально разрывали ее. Если бы не лекарства, не знаю, что бы сейчас было. Наверно, люди могут умереть от горя.

У меня самой на душе было невероятно тяжело, как будто я потеряла близкого человека. За эти несколько дней я так срослась сердцем с Оксаной и ее мужем, что сейчас тоже была близка к истерике. Заметив это, Володька взял меня под локоть и отвел в сторону:

– Ирка, ты выпей чего-нибудь, полежи! Нельзя себя так терзать. А я с ней посижу.

Я согласилась и пошла немного отдохнуть. Когда Оксана пришла в себя, она сказала глухим голосом:

– Я должна быть там, нужно проводить мужа в последний путь.

Естественно, ее нельзя было отпускать одну, поэтому я поехала в телецентр отпрашиваться у Кошелева.

– Ну что ж, – вздохнул Евгений Васильевич, – хоть ты и провинилась, я тебя отпускаю, раз такой случай. До следующей передачи еще далеко, поэтому можешь чуть-чуть задержаться.

Все-таки у меня необыкновенно понятливый начальник. Другой бы наорал вначале, потом бы выслушал. Если бы все на ГТРК были такими!

Узнав, что я еду в Гурьево, Павлик попросился со мной, начинался его законный отпуск. Я с радостью согласилась, ведь мужская поддержка никогда не помешает.

Когда мы вышли из поезда, то увидели, что на станции нас никто не встречает. Конечно, им было не до того. Кругом не то что машин, людей не было. Нам очень повезло, когда мужик, проезжавший мимо на телеге, согласился нас подвезти. Мы взобрались на сено и уселись с относительным комфортом.

– На похороны к директору едете? – спросил нас мужик. – Пойдите, а вы, случайно, не его жена будете?

Он долго выражал соболезнования, горестно вздыхая, какой хороший был человек Иван Николаевич. Не люблю, когда такие усердные сострадаельщики попадают, ведь легче от их причитаний не становится.

Пегая лошадка неспешно трусила по грунтовке, казалось, что дороге не будет ни конца ни края. В прошлый раз, на машине, мы домчались за десять минут, сейчас же ехали уже полчаса, а лесхоз все не показывался.

Не визжали пилы, не пахло опилками, казалось, что лесхоз вымер. В Гурьеве тоже было пустынно. Мы слезли с телеги и, поблагодарив мужика, пошли пешком. Еще издали мы увидели толпу людей возле дома Крыниных. К нам подбежали какие-то тетки в черных платках.

– Ой, да что же это делается, господа, да на кого ж он тебя оставил! – повторяли они на разные лады. До этого Оксана крепилась, а тут не выдержала, и слезы сами собой потекли по щекам. Ненавижу профессиональных плакальщиц – доводят себя до молитвенного экстаза, готовы рыдать как заведенные!

Раздвинув теток, мы зашли за ограду. Увидели Марию Павловну, Петю, Сашу – все они подходили выражать сочувствие. В доме распоряжались родственники со стороны мужа, жившие в Юрьеве. Мать и брат Ивана Николаевича по очереди подошли к Оксане и обняли ее.

Люди расступились, и я увидела гроб. Он был закрыт – видимо, погибший был сильно изуродован. Прикинув к крышке и закрыв глаза, у гроба сидел Федосеев. Он увидел нас и вскочил.

– Что же это делается? Да как же так случилось? – забормотал он. Я поняла, что Дима невменяем, и отвела его в сторону, давая Оксане спокойно проститься с мужем.

– Пойдите здесь, – сказала я. – Ничего, переживем!

– Переживем?! – вскричал Дима, дико вращая глазами. – Никогда! Что мы будем без него делать! Все пропало! – Он зарыдал.

Я огляделась в поисках мужчин, чтобы они уняли парня. Павлик взял его под локоть и что-то тихо зашептал на ухо. Лицо Федосеева разгладилось, он стал кивать головой, отвечая на какие-то вопросы нашего оператора. Ай да Павлик! Не ожидала обнаружить в нем такие таланты психотерапевта!

В углу, тихие и молчаливые, стояли двое детей. К ним подошла мать Ивана Николаевича и взяла за руки. Точно, это дети Ивана Николаевича! Девочке, судя по виду, исполнилось не больше четырнадцати лет, а мальчик был совсем маленький. Бедняжки, скорей всего, они еще не осознают, что произошло! Помню, в детстве у меня была подруга Даша. У нее на глазах умер отец. Пришел с работы и упал в коридоре – отказало сердце.

Моя мама посоветовала поддержать подружку, прийти к ней. Я ожидала, что Даша будет убита горем, но вместо этого увидела ее веселой, как обычно. Мы старательно избегали обсуждать последнее событие, мне даже не пришлось успокаивать или утешать ее. Дело в том, что дети не всегда понимают, что смерть – это навсегда...

– Пойдемте со мной, – шепнул мне подошедший Петя, – вы должны это увидеть. – Он повел меня в другую комнату.

– Вот, смотрите, – сказал он, доставая какую-то грязную тряпку из-под кровати, – это было на Иване Николаевиче, когда он погиб.

Мне сделалось дурно. Я поняла, что это не грязная тряпка, а изорванная одежда, заляпанная бурыми пятнами. Что же с ним случилось на охоте? Я до сих пор ничего не знаю.

– Видите, – Петя показал на дыры в рубашке, – это следы волчьих зубов. Директора загрыз волк.

– Как! – ахнула я. – Ведь вы говорили, что волки просто так на людей не нападают!

– В том-то все и дело, – вздохнул Петя, – не нападают. Ох, неспроста это все...

Я внимательно осмотрела одежду – в нескольких местах были вырваны клочья. Свирепый хищник несколько раз вцеплялся в тело несчастного, а затем загрыз его. Кроме пятен засохшей крови, были еще и масляные.

– Как его нашли? – спросила я, сдерживая подступающую тошноту.

– Одна женщина пошла за грибами, – пояснил бульдозерист, – смотрит: лежит кто-то. Вначале не узнала, ведь лицо было сильно повреждено. Только потом поняли, что это Иван Николаевич, когда сюда принесли. Я ружье его узнал, такого приклада с вырезанным силуэтом медведя ни у кого не было.

– А почему он не стрелял?

– Ружье было разряжено. Неподалеку нашли утку. Он ее застрелил, а перезарядить не успел.

Интересное дело получается: директор получает письмо с угрозами в свой адрес, потом нас пытаются задавить на бульдозере, а через несколько дней Иван Николаевич погибает от зубов волка. Слишком уж много совпадений.

Когда печальный ритуал закончился, односельчане собрались помянуть Крынина. В доме поставили длинный стол, на котором стояли щи, кутья и селедка. Эти поминки отличались от городских. В городе на поминки приходят порой какие-то посторонние люди, дальние родственники, сослуживцы, которые не слишком тесно общались с покойным. Здесь же все были как одна большая семья, горе было искренним. В деревне люди чище и добрей. Даже когда все порядком выпили, не было слышно посторонних разговоров.

– Мы проводили сегодня замечательного человека, – сказала Мария Павловна, вставая, – трудно будет заменить его. Надеюсь, что Дима Федосеев сохранит традиции нашего хозяйства, когда приступит к руководству.

Надо же! Дима будет исполнять директорские обязанности! На мой взгляд, он слишком мягкий человек для этого.

– Спасибо за ваши слова, Мария Павловна, – глухо сказал Дима, – но я думаю, что никто не заменит нашего шефа, – он по-детски всхлипнул.

– Ну-ну, Димочка, – сказала Оксана, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать, – только ты можешь встать на его место. Мы все тебе верим!

Павлика и меня поселили в разных комнатах. Перед тем как лечь спать, я переговорила с оператором.

– Паша, как ты думаешь, директор погиб случайно?

– А как ты подгадаешь нападение дикого зверя? – резонно заметил Павлик.

– А почему ты решил, что он дикий? Может, он ручной, специально натренирован на определенного человека?

– Ага, как зомби в американских фильмах!

– Может, это вообще не волк, есть же специально обученные собаки, – размышляла я. – Я читала мемуары Людмилы Гурченко. Так вот, там она рассказывает, как ее с матерью во время войны с немцами загоняли в «душегубку» овчарки, которые загрызали сопротивляющихся. Так что и такое бывает.

– Ну ты загнула! – посмеялся Павлик. – Такое часто на охоте случается, то медведь кого-нибудь задерет, то волк.

Все-таки я считаю, что нужно будет проверить мое предположение. И следы надо искать в Юрьеве. Завтра попрошу мать Ивана Николаевича познакомить меня с местными жителями.

Кстати, интересно, почему родители директора остались на «оккупированной» территории? Неужели им там хорошо живется?

Я вспомнила Казея-Кашея и усомнилась, что этот человек оставит кого-нибудь в покое.

Глава 3

– Я сама родом из Юрьева, жила там всю жизнь, вот и привыкла, – объясняла мне Ася Петровна, мать Крынина, – а насчет того, что нам там житья не давали, так не было такого. Всегда дружно жили, там все, как родные. А Казей этот не местный, живет на отшибе, в коттедже.

– А как же рабочие, которые ему по рации про нас сообщили, а потом нас бульдозером давили?

– Это его прихвостни, их немного. Живут тоже особняком, все приезжие. Наши, юрьевские, их не любят.

Я уговорила старушку познакомить нас с односельчанами. Мы вновь поехали на «уазике» вместе с Димой. Он немного отошел, лишь выглядел хмурым. Когда мы прощались, он попросил нас быть осторожными – все-таки вражеская территория.

– И зачем вы туда едете, ума не приложу, – причитал он, – неужто не поняли, какие там люди живут?

– Оставь это, Дима, – строго оборвала его Ася Петровна, – такие же люди там, как и здесь. Ира с Павликом едут готовить передачу про ваших врагов, как они лес разоряют.

Мы выдумали эту версию для родни и знакомых Ивана Николаевича, чтобы не волновать их лишний раз. Ничего, под этим соусом сможем получше узнать предполагаемого противника.

Эта деревня понравилась мне гораздо меньше, чем Гурьево. Она стояла на голом месте, деревьев вокруг было немного. Но самое плохое – она была слишком рационально построена.

Два длинных ряда практически одинаковых домов тянулись вдоль реки. И что здесь может нравиться Асе Петровне? Нет такого очарования хаоса, присущего природе, как в Гурьеве.

Ася Петровна подвела меня к группе сидящих на завалинке стариков. Бабки и дедки апатично грызли семечки, перебрасываясь ничего не значащими замечаниями. Они поохали и повздыхали, выражая сочувствие матери Крынина. Прибытие тележурналистки из Тарасова стало для них настоящим событием – они забросали меня вопросами.

– Я всегда вашу передачу смотрю, – возбужденно тараторила старушка в белом платочке, – удивляюсь, где вы таких женщин находите? Все они счастливые, радостные!

– Стараемся, – скромно ответила я, – ходим, спрашиваем. Иногда через знакомых находим.

– Так ведь это понятно, – махнула рукой другая бабка, в темном платке, – в городе счастливых больше.

Понятно, хорошо там, где нас нет. Надо как-нибудь остаться наедине со старожилками, не тревожить же мать-старушку расспросами, касающимися смерти ее сына.

– А что, правда вы будете здесь свою передачу снимать? – спросил сухонький седой старичок, сидевший с краю.

– Конечно, мы готовим цикл передач про деревню, – соврала я, – согласно последним опросам населения, городской зритель очень интересуется, как вы живете!

– И чего они тут не видели, – махнул рукой дедок, – ничего интересного!

Главное, что контакт с аборигенами налажен. Мы с Павликом пошли за Асей Петровной к ней домой. Потом можно будет вернуться на завалинку и вывести у стариков что-нибудь интересное.

В избе пахло яблоками и сушеными травами. Запах, напоминавший о далеком детстве и о бабушке. Старушка напоила нас козьим молоком, замечательно вкусным и сытным. Молоко в пакетах, продающееся в Тарасове, просто жалкое подобие этого дивного деревенского напитка в масштабе 1:43!

Под предлогом, что идем выбирать места для будущих съемок, мы с Павликом покинули Асю Петровну.

– И что ты надеешься тут узнать? – спросил меня оператор. – Думаешь, тебе расскажут про волка-убийцу, которого послал злобный Кащей?

Не обращая внимания на его иронические замечания, я направилась к уже знакомой мне группе стариков. Как известно, пожилые люди знают все и обо всех и охотно делятся информацией. Мы присели рядом с ними.

– Вы смотрели нашу последнюю передачу? – поинтересовалась я у фанатки «Женского счастья».

– Конечно, – оживилась бабка. – А правда, что сынку Аси угрожали?

– Правда, – подтвердила я, – и есть подозрения, что это ваш Казей Васильевич постарался!

– И вовсе Кащей не наш! – возмутился худенький старичок. – Он лесхозовский, а мы сами по себе.

– Но что-нибудь вы про него знаете?

– Мы все про него знаем, – бабушка в белом платочке нетерпеливо облизнула губы, – про его холопов злых, что на хуторе живут!

– Что за хутор? – удивилась я.

– Это так вон та часть села называется, – пояснила бабка, показывая вдаль, – там лесхозовцы живут. Туда никто, кроме них, не ходит. Говорят, что у Кащея батрак есть, страшный, жуть!

– Я сама его видела, – перебила вторая, – шрам поперек рожи, мрачный, как черт!

– Михаилом его зовут, – сказал старичок, – готов любого по приказу хозяина убить!

– И главное, – волновалась одна из сплетниц, – этот душегуб волчонка в лесу нашел и воспитал. На охоту, говорят, с ним ходит!

Мы с Павлом переглянулись. Я торжествовала, ведь о такой удаче трудно было даже мечтать!

– Вы уверены? – спросил Павлик, прищурившись.

– Конечно! Мой сын Андрюшка их в лесу видел. Огромный волчище вымахал, как теле-нок!

– А как найти этого Михаила?

– В сторожке он живет, у хозяйского дома. Только вы туда не ходите, они на чужаков собак спускают. Или волков! – добавила бабка.

Узнав, как отличить дом Кащея от остальных, мы двинулись на хутор.

– И что ты делать собираешься? – уныло спросил Паша. – Я за волком бегать не намерен, не хочу деревянный сюртук надеть раньше времени!

– Не бойся, – успокоила я его, – мы просто понаблюдаем, так ли этот волк страшен.

– Ага, – воскликнул оператор, – когда он откусит нам руки и ноги, мы докажем, что он опасен!

Дом Кащея возвышался над остальными на хуторе, как дворец. Высоченный забор из красного кирпича исключал вероятность какого-либо наблюдения.

– Ну и как мы будем следить? – не выдержал Павлик. – Дырку в кирпичах ковырять, как граф Монте-Кристо?

Я пошла вдоль забора, не обращая внимания на ерничество Павла. Иногда он становится просто невыносим.

– Давай, Павлик, вперед! – сказала я, указывая на разлапистую липу, которая росла прямо около ограды. – Ты залезешь первым и затащишь меня!

– Сезон гнезд прямо-таки, – ворчал Паша, карабкаясь на дерево, – неймется нам!

Густая листва липы надежно скрывала нас от обитателей дома. Лучшего поста для наблюдения было не сыскать, весь двор открывался нам как на ладони. За забором бегали две угрожающего вида собаки, видно, хозяин не жаловал незваных гостей.

Из дома вышел белобрысый мальчик лет тринадцати на вид. Он постоял на крыльце и стал слоняться по двору. Скучно жить во дворце, пусть даже в таком шикарном – поиграть не с кем. Наверное, это сын Кашея. Папа настроил против себя всю деревню, а сынок отдувается.

Мальчик побегал за курами, потом попытался прокатиться на свинье. Эти занятия скоро надоели ему, и он пошел в небольшую будку, стоявшую напротив нас у забора.

– Миша, – заорал пацан, – поиграй со мной!

Из будки вышел высокий суровый мужчина со шрамом на лице. Так вот он какой, этот Михаил! Он посмотрел на мальчика, потом снова зашел в будку и вынес оттуда лук со стрелами.

– Ну поиграй со мной! – канючил подросток.

– Некогда! – бросил Михаил, вручая ему лук. – На вот, постреляй!

Пацан взял это «оружие индейцев» и пошел к дому. Вначале мишенью ему служила стена сарая, на которой он мелом нарисовал круги. Потом его заинтересовали голуби на крыше, и мальчишка начал стрелять в них. Естественно, ни разу не попал, юркие птицы взмывали в воздух еще до того, как он натягивал тетиву.

Павлик пошевелился, разминая затекшие мышцы. Он нечаянно задел ветку, и она закачалась. Этим он привлек внимание юного «Чингачгука», мальчик заинтересованно глянул в нашу сторону, наверное, подумал, что в кроне прячется птица. Час от часу не легче! Он достал стрелу и прицелился в нашу сторону. Мы с замиранием сердца ждали выстрела. Тетива задрожала, но летящей стрелы я не заметила. Только увидела, как Павлик как-то странно дернулся, словно поперхнулся. Ужас! В его ступне торчала эта проклятая деревяшка! Я услышала, как Паша тихо матерится.

– Терпи, Паша, птицы не матерятся! – я положила руку ему на плечо. Он даже оторопел.

– Какие, к черту, птицы? – прошипел он. – Этот сопляк мне ногу прострелил!

– Тсс! Он думал, что на дереве птица!

Все оказалось не так страшно, как я думала. Стрела застряла в крепком ботинке Павла, лишь немного поцарапав ступню. Главное, чтобы мальчик не полез за добычей. К счастью, парнишка не стал продолжать трюки Робин Гуда и вскоре ушел в дом. Мы долго сидели на дереве, но ничего не происходило. Двор словно вымер, даже куры и свиньи заснули. От долгого сидения спину начинало нестерпимо ломить, корявые ветви не располагали к комфорту.

Уже начало смеркаться, когда к воротам подъехала знакомая черная «Волга». Она посигналила, и из будки вышел Михаил.

– Привет, Миша! – поприветствовал работника Казей Васильевич. Я узнала этого человека, несмотря на сумерки, его худая фигура и скуластое лицо были хорошо запоминающимися.

– Сколько сегодня сделали, хозяин? – глухо спросил Миша.

– Два гектара расчистили! – довольно усмехнулся Кашей.

Разговор двух вурдалаков: «Ты сколько сегодня крови высосал?» Другого сравнения нет. Неужели такая работа может доставлять удовольствие? Я вспомнила слова Ивана Николаевича: «Если не я – то кто же?» Он делал свое дело из чувства долга и, как это ни парадоксально звучит, из любви к природе. А этот лесоруб как будто упивается осознанием своей мощи!

– Казей Васильевич, – голос Михаила стал просительным, – раз уж вы приехали, можно я на охоту пойду?

– Иди, коли не шутишь, – усмехнулся его хозяин. – Небось опять Серого с собой возмешь? Гляди, чтобы не было как в прошлый раз, а то от крови не отмоешься!

Михаил пошел к сараю, предварительно привязав собак. Когда он вышел оттуда, то вел на поводке крупного серого волка! Псы стали дико лаять, беснуясь на привязи. Миша вскинул на плечо двуствольное ружье и пошел к воротам. Волк послушно шел рядом.

«А то от крови не отмоешься!» – звучала в моей голове последняя фраза Кашея. Жуткие слова – уж не про Крынина ли это? Мы стали осторожно спускаться с дерева. Паша не прекращал ворчать:

– Проклятое дерево, проклятый мальчишка, долбаный волк! Как меня все достало! – шептал он себе под нос.

– Прекрати, – одернула я его, – ты разве не слышал, о чем они говорили?

– Слышал, – нехотя ответил Павлик. – И что теперь – по лесу за ним бегать?

Миша пошел по улице, а мы, пригибаясь, короткими перебежками тронулись за ним. Вскоре он углубился в небольшой перелесок возле хутора. Уже было настолько темно, что мы спотыкались чуть ли не о каждую кочку и корень. Охотник же шел прямо, не запинаясь. Прибор ночного видения у него, что ли?

За перелеском было поле. Михаил ушел далеко вперед, а мы ждали, когда он скроется в темной и страшной стене леса, видневшейся вдалеке.

– Что ты там увидишь? – резонно возмущался Паша. – Думаешь, он убивать пошел?

– Пойдем, – сказала я с преувеличенным мужеством в голосе – мне самой страсть как не хотелось идти в чащу, где бродит мужик с чудовищем на поводке. Да мало ли, кто там водится, а у нас не то что ружья – ножа нет.

В лесу было темно, как в погребке. И тихо, слишком тихо. Мы не слышали ни единого звука, кроме шуршания листвы у себя под ногами. Может, Михаил затаился где-нибудь и ждет удобного момента? Я вспомнила изорванную и окровавленную одежду Ивана Николаевича, и по моему сердцу прошел могильный холод. Внезапно я увидела два больших светящихся глаза, смотрящих прямо на меня. Я вцепилась в руку Павлика. Он, кажется, был напуган еще больше меня – рука его дрожала. Кусты с треском расступились, из них вылетела большая птица, хлопая крыльями. Фу-ух, да это же сова!

– Пойдем домой, – зашептал Паша, – а если мы медведя встретим?

– Вперед, – сказала я с неизвестно откуда взявшимся упорством, – с песнями!

Паша покорно двинулся за мной. Мы раздвигали тугие ветки кустов, листья гладили нас по лицу. Фу, какая гадость: я, кажется, залезла в паутину! Очистив лицо от неприятной субстанции, я шагнула вперед и... полетела вниз по какому-то склону. Я чувствовала, что Павлик катится за мной. Наконец я остановилась, почувствовав под руками жидкую грязь. Павлик поддал мне сзади, и я проехала еще дальше.

– Черт, извалялись как свиньи! – зло прошептал Паша.

Я не ответила, только с ужасом поняла, что грязь под моими руками зыбко трясется. Это болото!

– Ползи назад! – приказала я оператору.

– Зачем? – не понял он.

– Идиот, мы в трясине! – чуть не заорала я.

Павлик осторожно пополз назад. Когда он встал на твердый берег, то стал шарить по кустам в поисках ветки, чтобы вытянуть меня. Колени и руки с чавканьем входили в гадкую жижу. Ощущение было, как будто меня заглатывает огромный слизняк. Вонь от болота была отвратительной, из-под грязи сочилась гнилая вода. Я вспомнила ужасные кадры из фильмов, в которых голова тонущего медленно-медленно скрывается в трясине, и яростно забарахталась. Это не помогло. Болото разверзлось с тихим всхлипом еще больше, и я провалилась почти по пояс.

– Павлик, быстрее, родненький, – зашептала я жалобным голосом.

– Сейчас, Ирина, держись! – Павлик с хрустом отломил толстую ветку и протянул ее мне. Я вцепилась в нее со всей силой, на которую была способна.

Когда я наконец вылезла из трясины, мой вид был ужасен. Одежда, покрытая толстым слоем жидкой грязи, прилипла к телу, мешая двигаться.

– Ну что, довольна? Пойдем назад? – отчитывал меня оператор. – Или еще немного развлечемся? Может, утонем наконец?!

Я молчала, чувствуя свою неправоту. В самом деле, что мы можем увидеть в таких дебрях? Жалко было, что вероятный убийца уплывал из рук, а ведь еще минуту назад казалось, что дело в шляпе.

Мы побрели назад. Сюда дошли быстро, а обратный путь показался долгим. Кажется, я не видела этого холмика? А может, не обратила внимания? Когда через десять минут мы все еще не дошли до опушки, стало ясно, что мы заблудились.

– Мать твою, – ругался Паша, – только этого нам не хватало!

Мы взяли правее. Говорят, что человек в лесу заворачивает влево, так как сильнее отталкивается правой ногой. Но это не помогло. Начался редкий ельничек, который мы в глаза не видели.

– Что же нам делать? – трясся Паша.

– Не бойся, – успокаивала я его, – не в тайге, выберемся!

Я смело вломилась в плотные кусты. Что-то твердое остановило меня. Я протянула руку и наткнулась на чье-то мохнатое и теплое тело.

– Мамашки! – взвизгнула я не своим голосом. Из чащи, похрюкивая, с треском стало ломиться какое-то крупное животное.

– Кабан! – заорал Павлик, хватая меня за руку. – Бежим!

Мы ринулись обратно. За нами, ломая ветки и свирепо хрюкая, бежал дикий вепрь. Мы не можем соревноваться с ним в скорости! Наткнувшись на ствол дерева, я увидела путь спасения.

– Наверх! – крикнула я Паше, обхватила дерево двумя руками и, как червяк, поползла по стволу.

– Быстрей! – закричал Паша.

Кабан уже подбегал к нам. Он стал неуклюже подпрыгивать, стараясь достать карабкающегося оператора. Но мой спутник резво подтянулся на руках и уселся на ветке.

Снизу доносилось сопение и хрюканье, «поросенок» был явно раздосадован нашим удачным бегством. Во мраке поблескивали лишь его клыки и глаза. Недобрые, скажу я вам, глаза! Как у школьного завуча, застукавшего прогульщиков вне стен школы.

– Хорошо! – Павлик довольно откинулся спиной на ветку. – Я люблю так гулять вечерами, искупаться в лечебной грязи, снять верхний слой загорелого эпидермиса о ветки, побегать наперегонки с добродушным кабанчиком... Что может быть полезней для здоровья!

Несмотря на наше невеселое положение, я расхохоталась. Действительно нелепо. Буквально позавчера мы с Пашей сидели в красивой телестудии, он снимал, а я вела передачу, а сейчас мы находимся на дереве где-то в дремучем лесу, и внизу нас подстерегает свирепый кабан!

Мы услышали какое-то шуршание, затем хруст. Приглядевшись, я поняла, что кабан роется в земле возле дерева. Интересно, зачем? Хрясь! Наше убежище задрожало, мы вцепились в ветки. Возня внизу продолжалась, грузное тело тяжело ворочалось в темноте.

– Эта сволочь подрывает корни! – Павлик уже не кричал, он констатировал факт.

– Зачем? – испугалась я. – Ведь кабаны не едят людей! Чего он к нам прицепился?

– А может, едят? Может, им витаминов в лесу не хватает? А тут два аппетитных работника телевидения!

Хрусть! Еще один корень! Неужели он способен повалить такое большое дерево? Вепрь стал тереться боком о кору. Мы чуть не свалились на землю от интенсивной тряски.

– Скраб для вашей свинки – просто мурчишь от удовольствия! – Оператор нервно схватился за сук. – Пошел вон! Давай-давай! – Паша кинул в зверя веткой.

«Свинка» не послушалась, а начала методично биться о ствол клыками. Я почувствовала себя спелой грушей. Того и гляди, стряснут и понакусывают!

Невдалеке ухнула сова, совсем как в фильмах ужасов. Словно по сигналу, наше дерево затрещало и, не выдержав напора, начало крениться. Мы заорали от страха, предчувствуя, что рухнем вниз. С хрустом и скрежетом, раздвигая кроны соседних деревьев, ствол понесся к земле. Бум! Паша закачался на своей ветке, едва не свалившись на землю. Я ударила лбом о шершавую кору, расцарапав кожу.

Ствол нашего дерева, падая, попал в развилку раскидистого дуба. Кабан подпрыгнул, пытаясь достать нас в «живописном» полете. Вы видели хоть раз, как прыгают эти животные? Нет? Жаль, вы много потеряли! Приседая на задние лапы, как собака, тяжелый зверь отталкивается и, бешено мотая головой и половиной туловища, в слепой ярости пытается достать объект своего вождения. С непринужденной грацией и завораживающей первобытной красотой он плюхается обратно и вновь взлетает в воздух!

Просто не верилось, что все это может происходить со мной. Мы с Павликом стали карабкаться по наклоненному стволу по направлению к дубу. Я первая вступила в развилку надежного дерева. Павлик уже готов был последовать за мной, как вдруг вепрь прислонился к шаткому стволу! Оператор не удержался и с воплем ухнул вниз.

Что же будет?! Я ничем не могу помочь!

– Павлик, беги! – истошно завопила я. – Спасайся!

Паша, по-видимому, подвернул ногу – он сидел на земле и держался за нее обеими руками. Ну все! Абзац!

Что-то серое, быстрое, словно молния, вывернулось из кустов и кинулось на кабана. Раздался жалобный визг, смешанный со свирепым рычанием хищника. Это волк! Из огня да в полымя – сейчас он разделается со свиньей и примется за Павла!

Оператор медленно отполз с места сражения – волк вцепился в бок кабана, а тот вертелся, стараясь его сбросить. Наконец ему это удалось. Вепрь стремглав кинулся через кусты прочь, а волк даже не пытался его преследовать. Это только усилило мои опасения, что на десерт хищник избрал все-таки человека, а не свинью.

– Паша, – я стала швырять в зверя желудями и листьями, – ползи сюда!

Волк спокойно сел под деревом, даже не пытаясь прыгать или грызть Пашу. Он лишь жмурился и уворачивался от всякой дряни, которую я в него швыряла.

Как будто он чего-то ждет! Только чего? В наступившей тишине я услышала шаги. Это явно человек! Заросли раздвинулись, и на поляну вышел рослый мужчина. Михаил! Ну все – тушите свет! Сейчас нами закусят!

– Кто ты такая? – спросил Михаил мрачным голосом, посмотрев на меня. – Чего шарись в лесу?

– Гуляю! – пропищала я. – Никого не трогаю!

– А ну, слазь! – рыкнул мужчина. – Сейчас я посмотрю, кто здесь гуляет!

– Не слезу! – уперлась я. – Хоть режьте меня!

– Это запросто! – Михаил угрожающе надвинулся. – Думаешь, не сниму тебя?

– Не трогайте ее! – крикнул Паша из-за дерева.

– О! Еще один! – удивился охотник. – Сколько вас, гуляки? Небось еще семеро по кустам сидят?

Внезапно он шагнул к дереву и, подтянувшись на руках, запрыгнул наверх.

– Ну, – сказал он, сурово глядя прямо на меня, – признавайся, чего здесь делаешь?

Его лицо, пересеченное шрамом, выглядело угрожающим. Я не выдержала страшного соседства и сиганула вниз. Ноги впечатались в мягкую землю. Я схватила Павлика за шиворот и потащила прочь. Оператор дико хромал, охая и ахая.

– Серый! – спокойно скомандовал Михаил.

Сейчас из нас сделают шашлык! Волчище легко, словно играючи, вскочил на ноги и догнал нас в два прыжка. Грызть он нас не стал, лишь преградил нам дорогу, слегка ощерив клыки. Михаил спустился с дерева и не спеша подошел к нам.

– Ну что, беглецы, – усмехнулся он, – далеко убежали? Давайте быстро рассказывайте, кто такие и что здесь делаете!

– Мы здесь в гостях, – робко сказала я, мучительно соображая, что можно соврать, – пошли в лес и заблудились.

– У кого в гостях?

– У одной женщины, вы ее все равно не знаете.

– Я в Юрьеве всех знаю. А вас ни разу не видел. В нашем лесу трудно заблудиться, если только вы не пришли сюда ночью. Значит, вы пришли за мной, следили, значит, – его голос был размеренным и угрожающим. – А если следили, то из этого следует, что вы из Гурьева, копаете под Казея.

В логике ему не откажешь. Как возражать, когда все уже разложили по полочкам?

– Ну-ка постойте! – Михаил схватил меня за руки и придвинул к себе. Паша приготовился ударить мужчину, я видела, как он непроизвольно сжал кулаки. – А я вас сразу не признал, в грязи, ободранную! Вы телеведущая, ведь так? Той самой передачи, где жена директора Крынина на Казея бочку катила?

Я молчала, отпираться было глупо. Положение аховое: нас раскусили, мы стоим в чертовом лесу, против нас мужик с ружьем и волк. Тела наши могут даже не найти.

– Значит, шпионите? – его голос не предвещал ничего доброго. – Вынюхиваете, высматриваете, думаете, как бы чего-нибудь плохое откопать?

– Ничего мы не думаем! – неожиданно для себя самой закричала я. – Вы сами такие вещи делаете, что вас трудно не бояться! Вначале давите нас на бульдозере, потом травите волками! Признавайтесь, чем вам мешал Крынин? Зачем вы его убили?

Немая сцена: Павлик тупо тараторил на меня, как на камикадзе-смертника, Михаил тоже словно проглотил язык.

– Чего вы добились этим убийством? – наседала я. – На место Ивана Николаевича сядет Дима и продолжит дело погибшего.

– С чего вы взяли, что это я убил вашего директора? – наконец пришел в себя Михаил. – Я вообще наемный работник, мне это даром не надо.

– Ага, – торжествовала я, – звучит, как наемный убийца! Вам и руки-то марать не пришлось, натравили Серого, и все!

– Да мой Серый, – заорал Миша, – если хотите знать, человека в жизни не тронет, пока ему на хвост не наступишь! Вот, глядите! – Он схватил мою руку и силой положил на голову волка. Она была теплой, покрытой густой жесткой шерстью. – Что, не загрыз он вас?

– Это вы его так выдрессировали! – сказал Павлик. – Прикажете, будет стоять!

– Хорошо, – Михаил отступил в сторону. – Я отойду, а вы его погладите.

Может, это хитрый шаг? Сейчас волк как цапнет меня! Переборов страх, я провела несколько раз рукой по косматой башке Серого. Он подтолкнул меня носом в ладонь, потом неожиданно лизнул! Вот уж не ожидала таких нежностей от хищника.

– Видите, – торжествовал его хозяин, – разве может такой добряк кого-нибудь загрызть?

– Все это спектакль, – упорствовал Паша, – почему тогда ваш Казей советовал вам «не испачкаться в крови, как в прошлый раз»?

– И про это знаете? – удивился охотник. – Вы давно за мной следите?

– Только сегодня начали, – сказала я, – и уже многое вызывает подозрения.

– Мой хозяин меня порой раздражает своей свирепостью, – вздохнул Михаил, – любит людей поугатать, почувствовать свою власть над ними. Но убивать кого-то он не решится, слишком труслив. Письмо с угрозами он написал, но чтобы исполнить – никогда!

– Зачем вы тогда на него работаете? Вас устраивает ваше положение?

– А что мне остается? Я недавно вышел из зоны, работы никакой. Вот и стал у него батраком. А насчет крови, так это Казей имел в виду случай на охоте, когда Серый поранил лапу, и я его до дома на руках нес. Весь измазался!

Этот человек вовсе не такой страшный, как кажется! Почему-то он вызывал у меня доверие. И волк у него хороший, от кабана нас спас, прогнал его. Ласковый – если бы он человеческой крови отведал, то не позволил бы себя гладить.

– Скажите мне, Миша, а Казей Васильевич сильно с Крыниным враждовал?

– Да нет, чего ему упираться! Денег у нас хватает, и леса тоже! Кашей – большой артист, он на публику работал. Ну не может он спокойно жить. Надо встряхнуться, вот и решил в войнушку поиграть!

– Неплохая войнушка получилась, – усмехнулась я, – мы делили апельсин, четверо ранено, убит один!

– Кто любит апельсины делить, – посерьезнел Михаил, – так это Цыпа, то есть Цыплаков Сергей Валерьевич. Он нас давно уже подмял. Кашей только с виду такой грозный, а на самом деле – надавили на него «братки», он и сдался. Оттого и разрабатываем лес такими темпами – Цыпа подгоняет. А ваш Крынин молодец, держался до последнего! Только убрали его... Я тоже думаю, что это не несчастный случай. Волки у нас редкость, и все они знакомы с ружьем. На человека с двустволкой никогда бы не напали. Только зверь, наученный человеком, такое сотворить может. Или это была собака. Ей легче в доверие втереться.

– А вы что-нибудь знаете про Цыплакова? – спросила я, чувствуя, что возможен новый виток расследования. – Какой ему резон был убивать Ивана Николаевича, ведь на его место заместитель сел?

– А резон такой: заместитель этот, Дима, гораздо мягче, чем Крынин. На Крынина дави не дави, он только больше упирается. А этот сразу сломается, попомните мои слова.

– А какие методы у этого Цыпы?

– Самые резкие. Пришлет «товарищей» покрепче, они кого хочешь уговорят!

– А как же милиция? Она что, ничего поделаться не может?

– Менты, конечно, побегают, – ухмыльнулся Миша, – сделают вид, будто работают в этом направлении. А на деле у них с Цыплаковым давно уже все обговорено. Начальник куш у них имеет. Я, когда сидел, с этой кухней хорошо познакомился. Иного если и посадят, то каждый день в камере шампанское и куры-гриль.

– Да ну! – не поверил Павлик. – Прямо-таки шампанское?

– Век воли не видать! – поклялся Миша. – Это мы, простодыры, баланду хлебали, а они отбашляют начальнику колонии, и он глаза на все закрывает.

– А за что сидели-то? – не деликатно поинтересовалась я.

– Да ни за что, – смутился охотник, – по глупости вышло. Видите шрам, – он показал на щеку, – лихой один придурок меня зацепил, односельчанин на тракторе разворачивался и по балде мне бороной въехал. Встаю я, весь в кровище, кинулся к нему, вытащил из кабины и избил. Не в себе я был, покалечил его сильно. Потом нас обоих до больницы едва успели довезти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.